

— В народе поговаривают, что генерал Линь, прошедший через сотни битв в песках, изранен настолько, что его здоровье и жизнь уже на исходе. Когда я навещал его, он полулежал в постели, одетый лишь в нижнее белье.

— Для военачальника, чья жизнь прошла в военных походах, он выглядит, — Нин Юэчжи слегка усмехнулся, — как тростинка на ветру.

Он вытянул руку, обводя пальцами воображаемый круг:

— Такое тонкое запястье, почти как у женщины. Я даже сомневаюсь, способен ли он вообще поднять армейскую алебарду.

Чжоу Цзэи призадумался:

— Когда я видел его в тот день, он был в легких доспехах. Трудно сказать, насколько он худ, но телосложение у него и впрямь довольно хрупкое.

Если отбросить его грозную ауру, он совсем не похож на тех крепких военачальников, что привыкли вести за собой войска.

— Я прощупал его пульс: он слабый и поверхностный, явный признак истощения крови и телесной немощи. Похоже, он действительно смертельно болен.

Уголки губ Нин Юэчжи тронула зловещая улыбка:

— Но если он действительно болен, то, будучи главнокомандующим, обязан скрывать свое состояние, притворяясь здоровым. Иначе в армии начнутся волнения из-за слухов.

— А сейчас в столице все знают, что он прикован к постели, и он позволяет мне открыто проверять его пульс...

Чжоу Цзэи мгновенно понял намек:

— Он ведет себя так только потому, что здоров.

Притворяться больным, когда здоров, и держаться из последних сил, когда болен — эта игра на грани правды и лжи и есть истинное искусство полководца.

— Поэтому мне ужасно любопытно: болен Линь Цэ или нет? Если он здоров, то как ему удалось подделать этот слабый пульс?

Телосложение у Линь Цэ действительно худощавое. Но о методах подделки пульса он раньше не слышал.

Вдовствующая императрица Дун, которая до этого молча слушала, наконец произнесла:

— Сейчас все взоры прикованы к пустующему трону, никто не смеет действовать опрометчиво, и нам не стоит спешить.

— Но Линь Цэ постоянно ссылается на болезнь. Если в решающий момент он останется в стороне, это сыграет нам не на руку.

— Хотя я и держу продовольствие как рычаг давления, это крайняя мера.

Разве можно так просто задерживать жалование и провиант для трехсоттысячной армии? Одно неверное движение — и вспыхнет мятеж, что принесет нам лишь одни беды.

Императрица многозначительно посмотрела на Чжоу Цзэи:

— И'эр.

— Внук понимает, — Чжоу Цзэи опустил взгляд. — Я навещу его еще раз и постараюсь найти другие зацепки.

Шэнцзин расположен в самом сердце Гуаньчжуна: зимы здесь теплые, лето прохладное, климат приятный. Даже когда на севере уже вовсю хозяйничала поздняя осень и люди кутались в ватники, жители столицы обходились легкой одеждой.

Во внутреннем дворе резиденции генерала звенела сталь, а воздух рассекали свистящие удары мечей. Вскоре раздалась глухая звуки тел, падающих на землю.

— Опять сегодня не наелись?

Глядя на своих солдат, валяющихся на земле, Линь Цэ холодно усмехнулся.

— Чжуюэ, какую отговорку ты придумаешь сегодня?

Чжуюэ в душе проклинала того скользкого евнуха. Стоило ему явиться в резиденцию, как генерал рассвирепел еще сильнее и на тренировке стал драться еще жестче. Она совсем не хотела спарринговаться с генералом, который был не в духе и не знал меры. Подумав секунду, она похлопала себя по животу:

— У меня «эти дни», живот болит, сил совсем нет.

Линь Цэ замер, на мгновение остановившись, и проворчал:

— Если плохо себя чувствуешь, иди отдыхай, сегодня ты свободна от караула.

Чжуюэ, не моргнув глазом, соврала:

— Хорошо, тогда я попрошу Чжуйсина подменить меня.

Сказав это, она замерла на месте.

Линь Цэ не мог спорить с женщиной, у которой «эти дни», и перевел взгляд на остальных солдат, которые продолжали лежать на земле:

— Что, у вас тоже «эти дни»?

Один из телохранителей виновато улыбнулся:

— Генерал, у меня тоже живот болит, вчера переел.

Лан Инь со смехом выругался:

— Ну вы даете! Тренируетесь спустя рукава, зато отговорки придумываете мастерски.

— Вчера переели, говорите? Ладно, сегодня останетесь без ужина, сэкономим немного казны резиденции.

Во дворе поднялся шум, перемежающийся смехом и шутками. В этот момент на плац вышел Сунь Юдэ.

Не успел Линь Цэ спросить, что случилось, как Чжуюэ перебила его:

— Кто там еще пришел?

Неужели опять тот противный евнух?

Сунь Юдэ протянул генералу Линью визитную карточку:

— Его Высочество Хуай-ван лично прибыл навестить вас.

Взгляд Линь Цэ, скрытый за маской демона-цилиня, мгновенно потемнел:

— Чжоу Цзэи?

— Как раз вовремя. Я его жду.

Он приказал Сунь Юдэ:

— Проводи его к задней калитке и открой только собачий лаз.

Это было открытое оскорбление. Сунь Юдэ беспомощно попытался вразумить его:

— Генерал, я понимаю ваше недовольство, но сейчас не время ссориться с Хуай-ваном.

Линь Цэ стиснул зубы:

— Проводи его через заднюю дверь.

Затем добавил твердым тоном:

— И собачий лаз тоже открой.

Сунь Юдэ отправился встречать гостя, а Линь Цэ, снимая верхнюю одежду, направился в спальню и снова лег в постель.

Вскоре вошел Чжоу Цзэи, а следом за ним — Нин Юэчжи.

Чжунюэ была слегка напугана: одного взгляда на них хватало, чтобы генерал пришел в ярость, а тут они оба... Она уже начала придумывать оправдание, чтобы избежать завтрашней тренировки. Поразмыслив, она решила просто поменяться сменами с Чжуйсином.

Войдя в комнату, Чжоу Цзэи встретился взглядом с Линь Цэ.

Линь Цэ холодно произнес:

— Я болен и не могу оказать Его Высочеству должных почестей, надеюсь на ваше понимание.

Чжоу Цзэи сохранял невозмутимость, не проронив ни слова.

Нин Юэчжи с ядовитой улыбкой произнес:

— Узнав о болезни генерала, вдовствующая императрица прислала лучшие женьшень и линчжи, чтобы поправить ваше здоровье.

— Хорошо, — Линь Цэ не стал отказываться и велел Сунь Юдэ принять подношение.

После этого воцарилась гнетущая тишина.

— Генерал так усердно трудился ради Его Высочества, что даже занемог, мы все очень

переживаем, — Нин Юэчжи чуть приподнял уголки губ. — Не нужно ли генералу чего-нибудь еще? Если да, смело говорите, Его Высочество сделает все возможное, чтобы исполнить ваше желание.

— Раз у Хуай-вана такое доброе сердце, я не стану отказываться, — подумал Линь Цэ. Что бы попросить такое, чтобы и самому получить выгоду, и Чжоу Цзэи в неловкое положение поставить?

Может, потребовать тысячу золотых?

Внезапно его осенило, и он слегка усмехнулся:

— Столица — город богатства и роскоши. Раз уж мне выпала честь оказаться в таком месте, разве не стоит воспользоваться случаем и насладиться земными радостями, чтобы потом не жалеть?

Нин Юэчжи сделал вид, что не понимает:

— Вы о чем, генерал?

— Говорят, цветы благоухают, а луна дарит прохладу, — проговорил Линь Цэ. — Жаль только, что в моей палатке холодно, а ночи приходится проводить в одиночестве.

— Мне не хватает кого-то, чтобы согреть постель.

Нин Юэчжи притворился, что его озарило:

— Понимаю. Служба на границе тяжела, и в лагере не до развлечений. Раз уж вы вернулись в Шэнцзин, то, безусловно, должны насладиться всеми его удовольствиями.

— Завтра же пришлю вам десяток красавиц. Только, — он насмешливо улыбнулся, — генерал, берегите себя, не стоит предаваться излишества.

— Чем меня удивят обычные женщины? — Линь Цэ презрительно хмыкнул. — Слышал, в столице модно увлекаться юношами.

— Человеческие желания — это естественный порядок вещей, — ответил Нин Юэчжи с улыбкой. — Любовь — это природа человека. Инь и Ян сосуществуют, и неважно, в каком сочетании, все это в рамках естественного пути. Это лишь подтверждает цивилизованность нашего Наньчжао.

— Раз генерал хочет попробовать, я пришлю вам десяток изящных юношей...

— Я же сказал, — повторил Линь Цэ, — обычные люди меня не интересуют. Как это можно назвать настоящим наслаждением?

— Тот, кто достоин разделить со мной постель, должен быть существом редким, не имеющим равных, чья красота не знает границ.

Улыбка Нин Юэчжи на мгновение застыла, но он тут же нашелся:

— Если генерал не побрезгует, я готов предложить свою кандидатуру...

— Кто ты такой? — Лан Инь с презрением фыркнул. — Ты всего лишь евнух, мой вкус не настолько непритязателен.

Он с интересом посмотрел на Чжоу Цзэи:

— Услуга, которую Его Высочество просит у меня, — дело нешуточное. Разве Его Высочеству не стоит самому лечь в мою постель и составить мне компанию этой ночью?

Чжоу Цзэи слегка нахмурился, но его лицо осталось бесстрастным:

— Генералу Линю следует заботиться о здоровье. Мы вернемся к этому разговору, когда вы поправитесь.

— Буду ждать вашего выздоровления.

— В таком случае, — улыбка Линь Цэ мгновенно исчезла, — Юдэ, проводи Хуай-вана.

Чжоу Цзэи, не желая задерживаться, бросил сухое берегите себя и, развернувшись, вышел из комнаты.

— Всего несколько дней как снова стал принцем, а уже задрал нос, — как только они ушли, Линь Цэ презрительно усмехнулся. — Но раз даже это его не вывело из себя, значит, терпения ему не занимать...

— У тебя что за выражение лица? — он обернулся к Чжуюэ. Та смотрела на него странным взглядом и без всякой причины отступила на два шага назад.

Чжуюэ сглотнула:

— Я только сегодня узнала, что генерал питает слабость к однополой любви.

— Неужели поэтому вам скоро двадцать четыре, а вы до сих пор не женаты?

Ни жены, ни наложниц, даже служанки для утех нет. Для здорового взрослого мужчины это крайне ненормально.

Линь Цэ опешил и заморгал. Он ведь просто хотел унижить Чжоу Цзэи, сказав это. Он же не собирался на самом деле с ним спать!

— Наньчжао и Бэйянь воевали шесть-семь лет, даже после перемирия на границе постоянно вспыхивают стычки. Ситуация немного улучшилась только в прошлом году, когда в Бэйянь начались внутренние смуты. Я постоянно в лагере, когда мне было жениться?

Он начал объяснять Чжуюэ:

— Ты же знаешь, как обстоят дела. Если я приведу жену в дом, а сам буду пропадать на службе, разве не погублю я ей лучшие годы жизни?

К тому же, его жизнь — это бесконечные походы, он трижды проходил мимо дома, не заходя внутрь. А если бы он вернулся, а в доме вдруг появились дети, что тогда?

Чжуюэ пропустила его слова мимо ушей и отступила еще на шаг.

— Пусть внешне вы не уступаете Чжоу Цзэи, но я считаю, что писарь Лю из лагеря Чжан — утонченный и белокожий, редкий красавец.

— На худой конец, Чжуйсин тоже подойдет. Хотя у него характер — хоть святых выноси, но внешность безупречна.

Линь Цэ: «...»

Даже через маску было видно, как исказилось его лицо.

— Чжуюэ.

— Да?

Линь Цэ сбросил одеяло и вскочил с кровати:

— Пошли, подеремся.

Чжуюэ поспешно ответила:

— У меня «эти дни».

— Раз «эти дни», иди в свою комнату и не маячь у меня перед глазами!

Чжюэ показала ему язык и, подпрыгивая, быстро выскочила из комнаты.

...

Чжоу Цзэи и Нин Юэчжи медленно вышли из резиденции. Нин Юэчжи сбросил фальшивую улыбку и холодно спросил:

— Что думает Ваше Высочество?

Чжоу Цзэи ответил равнодушно:

— Действительно, как ты и сказал, в его поведении полно противоречий.

<http://bllate.org/book/19998/1972030>